

Сказка Туве Янссон " Волшебная зима " Глава третья - Лютая стужа

Теперь все часы снова шли – Муми-тролль завел их во всем доме, чтобы не чувствовать себя таким одиноким. Но так как счет времени он утратил, то поставил часы на разное время – может, какое-нибудь и окажется правильным.

Иногда били часы, звенел будильник, и это утешало Муми-тролля. Но он не мог забыть самое ужасное – то, что больше не желало всходить солнце. И правда: день за днем каждое утро брезжил какой-то серенький рассвет, который переходил мало-помалу в длинную зимнюю ночь.

А солнце так и не всходило. Оно где-то потерялось, может, оно унеслось в космос. В самом начале Мумитролля отказывался в это верить. Он долго ждал, не покажется ли солнце вновь.

Каждый день он спускался к морскому берегу и садился в ожидании, повернув мордочку на восток. Но ничего так и не случилось. Тогда он шел домой, закрывал за собой слуховое окошко на чердаке и зажигал свечи, стоявшие длинным рядом на выступе изразцовой печи. Тот, кто обитал под кухонным столиком, по-прежнему не вылезал, чтобы поесть, а жил, по-видимому, своей собственной, ужасно таинственной и важной жизнью.

По льду ковыляла Морра, тоже занятая своими собственными мыслями, которые никто до сих пор так и не смог разгадать, а в шкафу купальни за купальными халатами затаилось что-то ужасно опасное. Ничего тут не поделаешь!

Неизвестно почему, но такое бывает в жизни, и ты перед этим беспомощен.

Муми-тролля отыскал на чердаке большую коробку с глянцевыми картинками и, восхищенный по-летнему яркими красками, принялся мечтательно их разглядывать. Там было все: и цветы, и восходы солнца, и маленькие автомобильчики со светлыми и яркими колесиками. Блестящие мирные картинки напомнили ему о том прекрасном мире, который он утратил.

Сначала он разложил картинки на полу гостиной, а потом догадался расклеить их по стенам. Он клеил медленно и тщательно, чтобы картинки подольше держались; самые же красивые он наклеил над кроватью своей спящей мамы.

Муми-тролля клеил и клеил картинки, пока не добрался до зеркала; и тут он вдруг увидел, что большой серебряный поднос исчез. Он всегда висел справа от зеркала на ленте, вышитой красным крестиком.

Муми-тролля очень разволновался, так как мама любила этот поднос. Поднос был семейной драгоценностью, которой никогда не пользовались, и единственной вещью в доме, которую начищали к празднику летнего солнцестояния. Осталась только лента да темный овал на обоях.

Огорченный, Муми-тролля стал расхаживать по дому и искать поднос. Его нигде не было, зато он обнаружил, что исчезла уйма других вещей – подушки, одеяла и кастрюли, исчезли мука и сахар. Исчезла даже грелка с вышитой на ней розой, грелка, которую обычно надевали на кофейник.

Муми-тролля принял близко к сердцу все эти пропажи, потому что чувствовал себя в ответе перед всем спящим семейством. Сперва он заподозрил в краже того, кто жил под кухонным столиком. Он заподозрил было Морру и того, кто прятался в шкафу купальни. А вообще-то это мог быть кто угодно: зима была полна удивительных существ, таинственных и странных.

"Надо спросить Туу-тики, – подумал Мумитролля. – Правда, я хотел наказать солнце и не выходить из дома, пока оно не вернется. Но тут дело поважнее".

Выйдя из дома, Муми-тролля увидел перед самой верандой в серовой полумгле незнакомую ему белую лошадь. Она смотрела на него своими блестящими глазами. Муми-тролля осторожно поздоровался. Однако лошадь не шевельнулась.

И тут он увидел, что лошадь сделана из снега.

Вместо хвоста у нее была метелка из тех, что лежали в дровяном сарае, а вместо глаз – маленькие зеркальца.

В зеркальных глазах Снежной лошади Муми-тролля увидел самого себя, и это испугало его. Тогда он, сделав крик, обошел ее и быстро засеменил вниз к голым кустам жасмина.

"Если бы хоть здесь оказался кто-нибудь знакомый мне с прежних времен, – думал Муми-тролля. – Ктонибудь вовсе не таинственный, а совсем обыкновенный, который тоже проснулся бы и не узнал самого себя. Тогда можно было бы сказать: "Привет! Какой ужасный холод! И до чего глупый этот снег! А ты видел, какими стали кусты жасмина?! А помнишь, летом..." Или что-нибудь в этом роде!"

Туу-тики сидела на перилах моста и пела:

Я – Туу-тики, я слепила лошадь,
дикую белую лошадь, что скачет галопом,
что топчет лед перед тем, как наступит ночь,
белую величественную лошадь, что скачет галопом
и несет великую лютую стужу на своей спине.

Потом шел совершенно непонятный припев.

– Ты о чем это поешь? – грустно спросил Мумитролля.

– О гом, что вечером мы лошадь обольем водой из реки. Тогда ночью она замерзнет и станет ледяной. А когда явится великая лютая стужа, лошадь умчится галопом и никогда не вернется.

Немного помолчав, Муми-тролля сказал:

– Кто-то уносит вещи из папиного дома.

– Так это же здорово, – весело сказала Туу-тики. – Тебя и так окружает слишком много вещей. И тех, о которых ты вспоминаешь, и тех, о которых ты только мечтаешь.

И тут Туу-тики запела новую песню.

Муми-тролля резко отвернулся.

"Она меня не понимает", – думал он, уходя. За его спиной по-прежнему звучала ликующая песня.

– Пой, пой, – пробормотал, всхлипывая, Муми-тролля. – Пой о своей противной зиме с черными льдинами и злыми лошадьми из снега и всем этим чудным народцем, который никогда не показывается, а только прчется!

Тяжело ступая, он двинулся дальше вниз по склону; он сердито пинал снег, и слезы замерзали на его мордочке. Внезапно он запел свою собственную песенку. Он кричал, он горланил изо всех сил, чтобы Туу-тики услышала его и разозлилась.

Муми-тролля запел свою злую песенку:

Что вы прячетесь, злые зверюшки, глупые вы притворялы?
Утащили вы солнце, чтобы серо и холодно стало.
Я здесь так одинок, я устал пробираться в снегу,
о зеленых деревьях долины забыть не могу.
Вспоминаю я волны на море, голубую веранду мою,
не хочу больше жить в этом зимнем и страшном краю.

– Пусть только взойдет мое солнце и глянет на вас, вы тут же увидите, какие вы глупые! – закричал Муми-тролля, не заботясь больше о том, чтобы зарифмовать свои слова.

Тогда я стану жить в подсолнухе
и валяться в теплом песке.
И окно в сад, где роятся пчелы,
будет открыто целый день.
И будет в нем ярко-голубое небо,
а в нем мое собственное

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

апельсиново–желтое солнце.

Когда Муми–тролль пропел свою дерзкую песенку, стало ужасно тихо. Он молча стоял и прислушивался, но никто ему не возражал. "Сейчас непременно что–нибудь случится", – дрожа, подумал он.

И правда случилось.

Кто–то в вихре сверкающего снега съезжал с холма, крича:

– Прочь с дороги! Берегись!

Муми–тролль застыл на месте, удивленно тараща глаза.

Прямо навстречу ему катился серебряный поднос, а на нем восседала пропавшая грелка с кофейника. "Наверное, Туу–тики полила их водой из реки, – в ужасе подумал Муми–тролль. – А теперь они ожили, убегают прочь и никогда больше не вернуться..."

Вот тут–то он и столкнулся с подносом и грелкой. Муми–тролль упал, барахтаясь в снегу, и услышал, как внизу, у подножия холма, смеется Туу–тики.

А потом раздался другой смех – так смеяться могло во всем мире только одно–единственное существо.

– Малышка Мю! – приглушенно закричал Мумитролль – в рот ему набился снег.

Муми–тролль выбрался из сугроба вне себя от радости. Вот–вот случится что–то хорошее. Это и вправду была малышка Мю, вся запорошенная снегом. В грелке для кофейника Мю прорезала отверстия для головы, лапок, так что вышитая роза красовалась на самом ее животе.

– Малышка Мю! – воскликнул Муми–тролль. – О, ты не знаешь... Все было такое чужое, мне было так одиноко... А помнишь, летом...

– Но теперь зима, – сказала малышка Мю, доставая из снега серебряный поднос. – Неплохо кувыркнулась, а?

– Я проснулся и не мог уснуть, – продолжал Муми–тролль. – Дверь не открывалась, солнце исчезло, и даже тот, кто живет под кухонным столиком...

– Да, да, – весело сказала малышка Мю. – А потом ты наклеил глянцевые картинки на стены. Похоже на тебя! Я вот все ломаю голову: может поднос скользить быстрее, если натереть его стеарином?

– Неплохо придумано, – обрадовалась Туу–тики.

– По льду поднос, наверно, помчится еще быстрее, – сказала малышка Мю. – Если найти хороший парус в доме муми–троллей.

– А ветер будет его подгонять, – добавила Туу–тики.

Муми–тролль посмотрел на них и немного подумал. А потом тихо сказал:

– Можете взять мой тент.

После полудня Туу–тики почуяла, что великая стужа уже в пути. Она облила Снежную лошадь водой из реки и натаскала дров в купальню.

– Сидите сегодня дома, потому что она вот–вот явится, – сообщила Туу–тики мышкам.

Мышки–невидимки закивали головой, и в шкафу что–то зашуршало, словно в знак согласия. Потом Туу–тики вышла предупредить всех остальных обитателей долины.

– Не беспокойся, – сказала малышка Мю. – Я войду в дом, когда стужа начнет щипать меня за лапки. А Мюмлу можно прикрыть сверху соломой.

И Мю снова покатила серебряный поднос по ледяному насту.

Туу–тики продолжала свой путь в долину. По дороге она встретила бельчонка с хорошеньким хвостиком.

– Вечером сиди в своем дупле, ведь великая стужа того и гляди явится, – предупредила Туу–тики.

– Ясное дело, – ответил бельчонок. – А ты случайно не видела шишку, которую я потерял где–то здесь поблизости?

– Нет, – ответила Туу–тики. – Но обещай не забыть то, что я сказала. Сиди дома! Как только стемнеет, прячься в своем дупле. Не забудь! Это важно!

Бельчонок рассеяннo кивнул.

Туу–тики отправилась дальше, к дому муми–троллей, и влезла наверх по веревочной лестнице. Она открыла слуховое окошко и позвала Муми–тролля.

Красными бумажными нитками он чинил купальники всем своим родным.

– Я хотела только сообщить, что великая лютая стужа вот–вот явится, – сказала Туу–тики.

– Еще свирепей, чем сейчас? – спросил Мумитролль. – Какие же вообще эти стужи?

– Эта будет самая опасная, – ответила Туу–тики. – Она явится прямо с моря в сумерки, когда небо позеленеет.

– А какая она, эта стужа? – спросил Муми–тролль.

– Она очень красивая, эта Ледяная дева, – ответила Туу–тики. – Но если ты заглянешь ей прямо в лицо, ты замерзнешь и превратишься в ледышку. Станешь таким же, как хрустящий хлебец, и кто угодно сможет разломать тебя на мелкие кусочки. Поэтому сиди сегодня вечером дома.

Сказав это, Туу–тики снова влезла на крышу.

Муми–тролль спустился вниз, в погреб, и добавил воды в котел парового отопления. А потом прикрыл ковриками спящих маму, папу и фрекен Снорк.

Затем он завел часы и покинул дом. Ему хотелось оказаться наедине с Ледяной девой, когда она наконец явится.

Муми–тролль спустился вниз, в купальню; небо уже поблекло и начало зеленеть. Ветер уснул, а мертвые камышины неподвижно застыли у края льдины.

Муми–тролль прислушался и подумал, что тишина тоже поет, только низким голосом. Быть может, это пел лед, который все более толстым покровом стягивал море.

В купальне было тепло, а на столе стоял голубой чайник Муми–мамы.

Муми–тролль уселся в шезлонг и спросил:

– Когда она явится?

– Скоро, – ответила Туу–тики. – Но ты не беспокойся.

– Разве я о стуже беспокоюсь? – сказал Мумитролль. – Я беспокоюсь о других. О тех, о ком я ничего не знаю, о том, кто живет под кухонным столиком. И еще о том, кто живет в моем шкафу. И еще о Морре, которая только смотрит и не говорит ни слова.

Туу–тики потеряла свою мордочку и задумалась.

– Видишь ли, – сказала она, – столько самого разного случается лишь зимой, а не летом, и не осенью, и не весной. Зимой случается все самое страшное, самое удивительное. Являются всякие ночные звери и существа, которым нигде нет места. Да никто и не верит, что они есть на свете. Ведь все остальное время они прячутся. А когда выпадает белый снег, ночи становятся длинными, наступает покой и все погружается в зимнюю спячку – вот тогда они тут как тут.

– А ты их знаешь? – спросил Муми–тролль.

– Кого знаю, а кого и нет, – ответила Туу–тики. – Того, кто живет под кухонным столиком, я, к примеру, знаю очень хорошо.

Думается, он хочет сохранить свою тайну, и я не могу познакомить вас друг с другом.

Муми–тролль пнул ножку стола и вздохнул.

– Ясное дело, ясное дело, – повторил он. – Но я не хочу жить среди разных тайн. Вдруг – бац! – и ты попадаешь в совсем новый мир, и нет никого, кому хочется спросить, где ты жил прежде. Даже у малышки Мю нет желания говорить о том прежнем, настоящем мире.

– А как можно узнать, какой мир настоящий, а какой – нет? – спросила Туу–тики, прижавшись носом к стеклу. – Вот и она!

Малышка Мю распахнула дверь и швырнула серебряный поднос, который со звоном упал на пол.

– Парус годится, – объявила она. – Но сейчас мне нужнее всего муфта. Из грелки для кофейника, как я ее ни кроила, муфта никак не выходит. А теперь у грелки Муми–мамы такой вид, что мне даже совестно подарить ее ежу–переселенцу.

– Вижу, – сказал Муми–тролль, мрачно глядя на растерзанную грелку.

Малышка Мю бросила грелку на пол, и ее мгновенно убрала одна из мышек–невидимок.

– Ну, а теперь Ледяная дева скоро явится, – сказала малышка Мю.

– Я тоже так думаю, – серьезно согласилась с ней Туу–тики. – Выйдем и посмотрим.

Они вышли на мостки купальни и принялись к морю. Вечернее небо было совсем зеленым, и весь мир казался сделанным из тонкого стекла. Стояла мертвая тишина, и повсюду, отражаясь в ледяном насте, светили ясно различимые звезды. Было ужасно холодно.

– Да, она приближается, – подтвердила Туу–тики. – Теперь нам пора уйти в дом.

В доме было тихо, даже мышки под столом перестали играть.

Далеко–далеко на речном льду показалась Ледяная дева. Она была белая–белая, словно вылитая из стеарина, но когда Муми–тролль взглянул на нее через оконное стекло с правой стороны, она показалась ему красной, а когда посмотрел с левой, она стала светлoзеленой.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Вдруг Муми-тролль почувствовал, что стекло очень похолодело, у него заболела мордочка, и он испуганно отдернул ее от окна.

– Не смотрите туда, – сказала Туу-тики. Они сели возле печки и стали ждать...

– Ой, кто-то карабкается ко мне на колени, – воскликнула малышка Мю и посмотрела на свою юбку. Там никого не было.

– Это мои мышки-невидимки, им страшно, – сказала Туу-тики. – Сиди спокойно, они скоро уйдут.

Ледяная дева как раз проходила мимо купальни. Быть может, она бросила взгляд в окно, потому что в купальне пронесся ледяной порыв ветра, от которого заколебались и померкли красные языки пламени в печурке. Мышки-невидимки смущенно прыгнули с колен малышки Мю, и все они (и Туу-тики, и Мю, и Муми-тролль) ринулись к окну, чтобы поглядеть на Ледяную деву.

Она стояла спиной к ним в зарослях камыша над снежным сугробом.

– Там бельчонок, – сказала Туу-тики. – Он забыл, что надо сидеть дома.

Ледяная дева склонила свое прекрасное лицо над бельчком и рассеянно щекотала его за ушком. Он как зачарованный смотрел на нее, прямо в ее холодные голубые глаза. Улыбнувшись, Ледяная дева пошла дальше.

А на снегу, задрав кверху маленькие лапки, остался лежать оцепеневший и холодный глупенький бельчонок.

– Плохо дело, – проговорила Туу-тики.

Она надвинула шапочку на уши, толкнула дверь, и белое облачко снежного пара ворвалось в купальню. Мгновение спустя Туу-тики снова прошмыгнула в приоткрытую дверь и положила бельчонка на стол.

Мышки-невидимки ринулись вперед, намочили полотенце горячей водой и завернули бельчонка в это горячее полотенце. Но его маленькие лапки все так же безжизненно и печально торчали кверху, и ни один усик не шевелился.

– Он совсем мертвый, – констатировала малышка Мю.

– Во всяком случае, перед тем как умереть, он увидел что-то очень красивое, – дрожащим голосом произнес Муми-тролль.

– Что поделаешь, – сказала малышка Мю. – Как бы там ни было, теперь он забыл обо всем на свете. А я собираюсь сделать из его хвостика премиленькую муфточку.

– Нет, ты этого не сделаешь! – взволнованно закричал Муми-тролль. – Он должен взять хвостик с собой в могилу. Потому что бельчонка нужно похоронить. Правда, Туу-тики?

– Гм, – хмыкнула Туу-тики. – Кто его знает, принесет ли радость звериному народу хвостик после смерти?

– Миленькая Туу-тики, – взмолился Мумитролль, – не говори все время о том, что он умер. Это так ужасно.

– Раз умер, так уж умер, – примирительно сказала Туу-тики. – Этот бельчонок мало-помалу превратится в прах. А потом, чуточку позднее, из него вырастут деревья, и на них будут прыгать новые бельчата. Разве это так уж печально?

– Может, и нет, – ответил Муми-тролль и высморкался. – Но все равно завтра его надо похоронить, и обязательно с хвостиком и со всем-всем, что у него есть. И похороны должны быть красивые и торжественные.

На следующий день в купальне было очень холодно. Огонь еще горел в печурке, но мышки-невидимки заметно устали. В кофейнике, который Муми-тролль принес из дому, застыла под крышкой тонкая корочка льда.

Вообще-то Муми-тролль отказался пить кофе из уважения к памяти мертвого бельчонка.

– Ты должна дать мне купальный халатик, – торжественно сказал он Туу-тики. – Мама говорила, что на похоронах всегда бывает холодно.

– Отвернись и сосчитай до десяти, – предложила Туу-тики.

Муми-тролль отвернулся к окну и стал считать. Когда он досчитал до восьми, Туу-тики заперла дверцу шкафа и протянула ему голубой купальный халатик.

– Подумать только, ты вспомнила, что мой халатик голубой, – радостно удивился Муми-тролль.

Он тотчас сунул лапу в карман, но не нашел солнечных очков. Зато там было немного песка и круглый белый камешек.

Он зажал камешек лапой. В его округлости таилась надежность лета. Муми-троллю почти казалось, что камешек по-прежнему теплый от солнца.

– У тебя такой вид, будто ты пришел незванным в гости, – заметила малышка Мю.

Муми-тролль даже не посмотрел на нее.

– Пойдете вы на похороны или нет? – с достоинством спросил он.

– Ясное дело, пойдем, – ответила Туу-тики. – По-своему это был хороший бельчонок.

– В особенности хорош был у него хвостик, – сказала малышка Мю.

Они завернули бельчонка в старую купальную шапочку и вышли на жгучий мороз.

Снег скрипел у них под ногами, а дыхание белым паром вырывалось изо рта. А нос так оледенел, что нельзя было даже его сморщить.

– Твердый здесь наст, – восхитилась малышка Мю и запрыгала по мерзлому берегу.

– Ты не можешь идти чуточку медленнее? – попросил Муми-тролль. – Это ведь все-таки похороны.

Он был вынужден делать маленькие-маленькие вдохи, чтобы не заглотить слишком много ледяного воздуха.

– А я и не знала, что у тебя есть брови! – с любопытством воскликнула малышка Мю. – Сейчас они совсем поседели! И ты еще больше сбит с толку, чем всегда.

– Это из-за мороза, – строго сказала Туу-тики. – А теперь помолчи, потому что ни ты, ни я ничего не знаем о похоронах.

Муми-тролль был благодарен ей за эти слова. Он принес бельчонка прямо к дому и положил его перед Снежной лошадей.

Затем влез по веревочной лестнице на крышу и спустился вниз в теплую гостиную, где спали его родные.

Муми-тролль перерыл все ящики комода. Он перевернул все вверх дном, но не нашел того, что искал.

Тогда он подошел к маминой кровати и шепнул ей на ухо один вопрос. Вздохнув, мама перевернулась на другой бок. Муми-тролль снова шепнул.

Тогда мама, не просыпаясь, ответила ему: ведь она и во сне не забывала ничего из того, что касается традиций.

– Траурные ленты в моем шкафу... на самой верхней полке... направо...

И мама снова погрузилась в зимнюю спячку.

А Муми-тролль вытащил из чулана стремянку и влез на нее, чтобы добраться до верхней полки шкафа.

Там он нашел коробку со всякими ненужными вещами, которые иногда могут оказаться совершенно необходимы: черные траурные ленты и золотые праздничные, и ключи от дома, и пробку от шампанского, и клей для фарфора, и среди прочего – превосходные медные шары для кроватей.

Когда Муми-тролль снова вышел из дому, к хвосту у него была привязана траурная лента. Он прикрепил и маленький черный бантик к шапочке Туу-тики.

А малышка Мю наотрез отказалась от всяких траурных лент и бантиков.

– Если я горюю, мне вовсе незачем это показывать и надевать разные там бантики, – сказала она.

– Да, если ты горюешь, – подчеркнул Мумитролль. – Но ведь ты не горюешь!

– Нет, – призналась малышка Мю. – Я не могу горевать. Я умею только злиться или радоваться. А разве бельчонку поможет, если я стану горевать? Зато если я разозлюсь на Ледяную деву, может, я и укушу ее когда-нибудь за ногу. И тогда, может, она поостережется щекотать других маленьких бельчат за ушки только потому, что они такие миленькие и пушистые.

– Может, ты и права, – заметила Туу-тики. – Но как бы там ни было, Муми-тролль тоже прав по-своему. А что делать дальше?

– Теперь я вырою ямку в земле, – сказал Мумитролль. – Здесь уютное местечко и летом растут маргаритки.

– Что ты, дружок! – печально сказала Туу-тики. – Земля мерзлая и твердая, как камень. В нее не зароешь даже кузнечика.

Беспомощно взглянув на нее, Муми-тролль ничего не ответил. Никто ничего больше не сказал. И вот тут-то как раз Снежная лошадь склонила голову и осторожно обнюхала бельчонка. Она вопросительно взглянула на Муми-тролля своими зеркальными глазами и тихонько помахала хвостом-метелкой.

И тут мышки-невидимки заиграли печальную мелодию на своих флейтах. Муми-тролль, кивнув головой, поблагодарил мышек.

Тогда лошадь подняла бельчонка и положила его себе на спину – вместе с хвостиком, купальной шапочкой и всем прочим; похоронная процессия направилась к морскому берегу.

И Туу-тики запела о бельчонке:

Жил-был маленький бельчонок,
очень маленький бельчонок.
Был он очень неразумный,
зато теплый и пушистый.
Теперь он лежит холодный,
совсем холодный,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

его лапочки застыли.
Только хвостик его, как прежде,
самый мягкий и пушистый.

Почувствовав под копытами твердый ледяной наст, Снежная лошадь вскинула голову, а глаза у нее засветились. И вдруг, радостно подпрыгнув, она поскакала галопом вперед.

Мышки-невидимки перешли на веселую и быструю мелодию. Лошадь мчалась все дальше и дальше с бельчонком на спине и наконец превратилась в крохотную точку на горизонте.

– Я все думаю, хорошо ли у нас получилось, – беспокожно заметил Муми-тролль.

– Лучше и быть не могло, – утешила его Туу-тики.

– Нет, могло бы, – возразила малышка Мю. – Если бы мне достался красивый беличий хвостик на муфту, было бы куда лучше.